
РАБОТНИКИ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА: НАСТРОЕНИЯ И АКТИВНОСТЬ НАКАНУНЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Ольга Мирясова

Анализируются данные опроса работников горно-металлургической отрасли промышленности, проведенного незадолго до начала думской избирательной кампании 2011 г. Вопреки распространенным представлениям о лояльности «рабочей провинции», данные обследования говорили о высоких протестных настроениях среди рабочих и других категорий работников, и низкой поддержке партии власти и кандидатуры Владимира Путина на предстоящих тогда президентских выборах. Несмотря на то, что руководство профсоюза отрасли было настроено лояльно, активное участие работников в деятельности региональных организаций способствовало росту интереса к политике, активизации в других сферах общественно-политической жизни и критическому настрою по отношению к власти. Социальная справедливость и решение конкретных проблем и сегодня являются основными мобилизующими факторами для участия работников горно-металлургического комплекса в протестах.

Ключевые слова: профсоюзы, протесты, социальные движения, оппозиция, гражданские и политические практики

Исследования российского политического порядка показали, что в России отсутствует свойственная обществу современного типа дифференцированная сфера политики, понимаемая как поле артикуляции и согласования интересов и ценностей различных социальных групп через посредничество партий, движений, профсоюзов, работающих над выработкой общезначимых целей и их достижением (Патрушев... 2011). Политическое пространство вытеснено властным: власть представляется всемогущим моно субъектом, не допускающим граждан и их объединения к участию в принятии решений и противостоящим любому независимому действию. В современной

Ольга Александровна Мирясова – м.н.с., Отдел сравнительных политических исследований, Институт социологии РАН, Москва, Россия. Электронная почта: verdikt.o@gmail.com

России политическое состояние индивида формируется посредством противопоставления себя власти как институту, тотально определяющему жизнь общества. Осознание в качестве актора, обретение чувства «уполномоченности»¹ формирует у индивида потребность в реконфигурации политического пространства и получении «доли власти», как правило, понимаемой через расширение возможностей организаций и объединений, способных быть проводниками интересов различных социальных групп.

Политическая пассивность и патернализм российских граждан до последнего времени были аксиомой (Кертман 2006; Баскакова 2013). Но если обратить внимание на монополию власти при единоличном определении дизайна общественных отношений и принятии ключевых решений, пассивность оказывается рациональной моделью поведения, и граждане прибегают к активному протесту, как правило, только в ситуации непосредственной угрозы потери определенного блага. Причинами же долгосрочных протестов с широкими целями становятся противоречия морального порядка (Мирясова 2012).

Отношение к власти – лояльность или оппозиция – является определяющим фактором для включения индивида в те или иные гражданские практики или избегания им любого участия в общественно-политической жизни. Несмотря на низкий уровень протестной активности, важными показателями состояния общества является степень недовольства властью, наличие социального капитала и готовность к коллективным действиям.

Эмпирическая база исследования

В июле-августе 2011 г. Отдел сравнительных политических исследований (ОСПИ) ИС РАН совместно с Горно-металлургическим профсоюзом России (ГМПР) провел очередное обследование на предприятиях горно-металлургического комплекса (ГМК), имеющих профсоюзные ячейки. Основная тема опроса – отношение работников к разным формам политической, гражданской и профсоюзной активности, а также оценка деятельности профсоюза. Было опрошено 1464 человека в 72 населенных пунктах 42 регионов РФ (Патрушев и др. 2011).

Особенностью обследования был существенный «перекос» в направлении преобладания среди опрошенных профсоюзных активистов и руководителей разных уровней. Избежать мы этого не могли, возможности построения выборки были ограничены условиями заказчика – ГМПР. Социологи квотировали только число опрошенных на предприятии в соответствии с численностью работников и обеспечивали пропорциональное присутствие в выборке разных регионов и отраслей промышленности.

¹ Один из переводов с английского языка понятия «empowerment» (букв. – придание внутренней силы): чувство обладания властью, правом что-то делать, на что-то влиять.

Членам профсоюза были предложены для самостоятельного заполнения анкеты, которые распространялись профсоюзными активистами, наверняка опросившими прежде всего ближайший круг общения, несмотря на инструкцию раздавать анкеты как активистам профсоюза, так и его пассивным членам, а также работникам, не входящим в профсоюз. Предложение социологов о направлении на предприятия интервьюеров принято заказчиком не было: либо из желания сократить финансовые затраты на проведение исследования, либо из-за опасений получения посторонними «нежелательной» информации.

Велика вероятность, что в выборку попало больше руководителей разного уровня и активистов профсоюза, чем есть на предприятиях ГМК. Статистической информации о числе руководителей и других категорий работников, а также членов профсоюза, занимающих выборные должности (далее – «выборные члены»), нам предоставлено не было. Здравый смысл заставляет предположить, что каждый четвертый работник не может занимать выборную должность, а среди опрошенных оказалось 27% выборных членов. Несмотря на недостатки выборки, мы считаем возможным использование данных при условии следования подходу межгруппового сравнения.

Поскольку нас интересовало мнение работников промышленного сектора экономики в российских регионах, мы исключили жителей Москвы (13%), пенсионеров (1%), студентов (2%), работников сферы обслуживания и образовательных учреждений (2%), которые также попали в выборку, так как являются членами ГМПР. Оставшееся число опрошенных составило 1211 человек: 8% – руководители среднего и высшего звена, 12% – руководители низшего звена управления, 32% – специалисты, 9% – технический и обслуживающий персонал, 33% – рабочие, 6% – не отнесли себя ни к одной из этих категорий.

В процессе анализа сравнивались разные группы опрошенных, но одним из ключевых параметров различения стал уровень вовлеченности в деятельность профсоюзной организации. Мы выделили три группы по степени участия: (1) занимающие выборную должность в профсоюзе – как освобожденные работники, так и работающие в профсоюзе на общественных началах (27%); (2) активные члены профсоюза, не занимающие выборные должности (32%); (3) работники, не участвующие в деятельности ГМПР – в эту группу попали как члены профсоюза, так и не состоящие в нем (41%). По состоянию на 2011 г. степень юнионизации в горно-металлургическом комплексе составляла 72,3% занятых – 877 тыс. человек.

В группе «выборных членов» оказалось одинаковое число женщин и мужчин, заметно больше людей старше 50 лет и руководителей низшего звена, доходы на члена семьи в этой группе выше, чем в среднем. Группа «активистов» отличается перевесом в сторону женщин и служащих из числа технического и обслуживающего персонала. Среди неактивных больше

мужчин, молодежи до 30 лет, лиц со средним и неполным средним образованием и рабочих.

Почему анализ этих данных представляется актуальным? Так совпало, что незадолго до начала избирательной кампании 2011 г. нами были опрошены работники одной из самых массовой и экономически влиятельной отрасли промышленности, то есть, именно те, кого последние два года постоянно называли базой поддержки действующей власти. Те, кто слился в сознании образованного класса в один собирательный образ «Уралвагонзавода» как места бытования консервативных ценностей и безусловной лояльности власти. Но данные нашего обследования дают принципиально иную картину: несмотря на наличие группы лояльных власти, значительную часть опрошенных составили «оппозиционеры».

Миф о лояльной «рабочей провинции»

Данные о намерении голосовать на парламентских выборах 2011 г. показывают существенно более низкий уровень поддержки «Единой России» в среде работников ГМК, чем опросы населения РФ ведущими социологическими компаниями¹: 21 % среди неактивных членов профсоюза и 35 % среди его активистов (Диаграмма). Вопрос о планах поддержать кандидата на выборах президента в 2012 г. дает похожие результаты (опрос проводился до знаменитой «рокировки» 24 сентября): горняки и металлурги поддерживали кандидата В. Путина намного меньше, чем население в целом: 25 % на предстоящих выборах президента были готовы проголосовать за В. Путина, 16 % – за Д. Медведева, 10 % – за Г. Зюганова, 6 % – за В. Жириновского, 4 % – за С. Миронова, 18 % не собирались голосовать и 20 % не ответили на вопрос². То есть, до начала этапа активной предвыборной агитации только четверть работников ГМК собиралась поддержать партию власти и нынешнего президента, что существенно ниже официальных рейтингов.

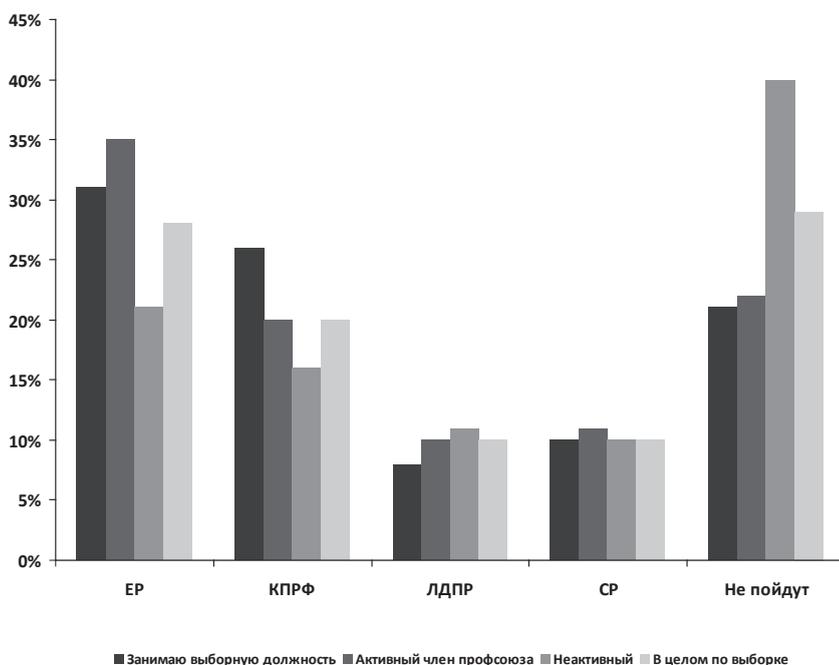
Различия между группами по типу занятости не такие существенные, но также имеют место. Рабочие накануне избирательной кампании 2011 г. поддерживали «Единую Россию» меньше всех (23 %), служащие, специали-

¹ По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в третьем квартале 2011 г. за «Единую Россию» собирались голосовать 42 % опрошенных, за КПРФ – 11 %, за ЛДПР – 9 %, за «Справедливую Россию» – 5 %. Не пошли бы на выборы 16 %, затруднились ответить 14 %. Опрос «ФОМнибус» проводился 20–21 июля в 204 населенных пунктах, 64 субъектах РФ среди 3000 респондентов // <http://bd.fom.ru/pdf/d29ind13.pdf> (дата обращения: 20.01.2014).

² По данным ФОМ в третьем квартале 2011 г. за В. Путина собирались голосовать 47 % опрошенных, за В. Жириновского и Г. Зюганова по 10 %, за С. Миронова – 1 %. Не пошли бы на выборы 14 % и затруднились ответить 13 %. Опрос «ФОМнибус» проводился 20–21 июля в 204 населенных пунктах, 64 субъектах РФ среди 3000 респондентов // <http://bd.fom.ru/pdf/d29ind13.pdf> (дата обращения: 20.01.2014).

сты, руководители – примерно одинаково (28–30%). КИРФ больше остальных могла рассчитывать на руководителей высшего и среднего звена (24%), а меньше – на служащих (17%). Не собирались участвовать в выборах прежде всего рабочие и служащие (32–33%); среди руководителей среднего и высшего звена абсентеистов было только 20%.

Диаграмма. Если Вы собираетесь участвовать в выборах в Государственную думу в декабре этого года, то за какую партию Вы предполагаете голосовать? (% от числа ответивших)¹

Оценка правильности партийных идей (в контексте представительства партией интересов конкретного человека) показала значительную степень отчуждения работников ГМК от политической жизни: каждый четвертый (28%) затруднился с ответом и 31% заявили, что не поддерживают никакие партии, остальные в 18% случаев разделяют идеи «Единой России», в 15% – КИРФ, в 7% – «Справедливой России», в 6% – ЛДПР. Поддержка «Единой России» в этом вопросе снова немного выше среди активистов профсоюза (25%) и ниже – среди неактивных (12%) и выборных членов профсоюза

¹ Приведены данные только по четырем партиям, так как число ответов по остальным не превышает 1,5%. Сумма ответов не равняется 100%, так как список партий и кандидатов в президенты приводится не полностью; 3–5% ответивших выбрали другие партии и кандидатов.

(20%). Занимающие выборную должность чаще других поддерживают КПРФ (20% к 15% среди активистов и 12% среди неактивных).

Одобрение в адрес Общероссийского народного фронта (ОНФ) выражает еще меньше опрошенных. Две трети из них не смогли сформулировать свое отношение к ОНФ. Среди тех, кто смог, положительно к этому объединению относятся 5% неактивных и 14% активистов профсоюза, негативно – 22–28%. Если сравнивать разные категории работников по типу занятости, то оказывается, что рабочие, служащие и специалисты чаще руководителей затрудняются выразить свое отношение к ОНФ. А более информированные руководители склонны к отрицательной оценке (на 10–20%).

Оценка роли профсоюза в защите прав работников

Результаты предыдущих опросов на предприятиях ГМК показали, что ГМПР не является однородной структурой по активности и степени конфликтности его первичных и региональных организаций (Патрушев и др. 2007). В тех регионах, где сосредоточены крупные и экономически успешные предприятия, больше ячеек, придерживающихся стратегии активной защиты прав. Члены конфликтных организаций ГМПР в среднем выше оценивают результативность своих действий, но при этом оценка деятельности профсоюза и его взаимоотношений с администрацией сильно зависит от включенности человека в профсоюзную активность, возраста, образования и дохода. Оценивая взаимодействие профсоюза и администрации активисты и выборные члены всегда выделяют эффективность первого, чаще считая, что «профсоюз вынуждает администрацию считаться с интересами работников» (21% и 27% соответственно по отношению к 11% среди неактивных) и «администрация согласует основные решения с профсоюзом» (60% в обеих группах по отношению к 34% среди неактивных). Скорее всего, это обусловлено двумя факторами: активные лучше информированы о деятельности профсоюза и их интересы представлены в профсоюзе в большей степени, чем интересы других групп.

С возрастом устойчиво растет уверенность в готовности администрации согласовывать решения с профсоюзом: с 40% в группе до 30 лет до 64% в группе 50 лет и старше; видимо, сказывается либо более высокая вовлеченность этой группы в деятельность профсоюза, либо воспоминания о прошлом (советском и 1990-х гг.), когда влияние ГМПР было заметно сильнее. Молодежь существенно чаще затрудняется оценить роль профсоюза во взаимодействии с администрацией (35% по сравнению с 17% в среднем по выборке). Руководители, работники с высоким доходом и высшим образованием также чаще считают, что администрация согласовывает решения с профсоюзом (что неудивительно: эта группа сама принадлежит к администрации или приближена к ней). Члены профсоюза с невысокой зарплатой, низкоквалифицированные работники, напротив, скло-

няются к мнению, что «администрация решает основные вопросы помимо профсоюза». То есть, эта категория считает, что ГМПР недостаточно отстаивает ее права перед администрацией – факт, который устойчиво воспроизводится уже в третьем обследовании профсоюза.

Рассмотрим подробнее группу тех, кто считает, что его «профсоюз вынуждает администрацию считаться с интересами работников» (20%). В этом суждении скрыто восприятие профсоюза как активно действующего субъекта: с одной стороны, подразумевается, что профсоюз столкнулся с администрацией, не заинтересованной в сотрудничестве, с другой, что смог эту незаинтересованность преодолеть. Эта группа политически активна и за рамками профсоюза. В ней на 15% больше тех, кто готов участвовать и в акциях протеста в защиту экономических и социальных прав, и в акциях в защиту демократических свобод. Высоко оценивающие возможности профсоюза активнее участвуют в выборах, голосуют за парламентскую оппозицию. Они чаще готовы проявить солидарность с бастующими работниками другого предприятия ценой материальных издержек. Они на 20% чаще говорят, что могут рассчитывать на помощь профсоюза, выше оценивают его успешность и на 10% чаще признают необходимость объединения с другими для защиты общих интересов. Попавшие в эту группу работники хуже относятся к ОНФ и на 9% чаще не поддерживают вхождение ФНПР в это объединение. Таким образом, согласие с суждением «профсоюз вынуждает администрацию считаться с интересами работников» связано с оппозиционными взглядами работников ГМК.

Подавляющее большинство опрошенных настроены на отстаивание трудовых прав путем переговоров с администрацией (среди занимающих выборную должность таких 90%, среди неактивных – 66%). Что неудивительно: это самая малозатратная и очевидная форма разрешения конфликта. Более того, переговоры являются составной частью любого процесса урегулирования отношений, наряду с протестными формами. На втором месте во всех группах идет обращение в суды (от 30% до 37%). Но уже на третьем оказываются митинги и пикеты: среди занимающих выборную должность считает их наиболее приемлемыми 29%, среди активных – 28%, среди неактивных – 18%. Четвертое место для всех групп – обращение в СМИ (18–25%). Далее по популярности идет забастовка, затем – остановка работы. Но последние две формы коллективных действий уже более привлекательны для пассивных (18% и 15% соответственно), чем для активистов профсоюза (13–14% забастовка, 11% – остановка работы). То есть, несмотря на то, что самые активные члены профсоюза настроены на переговоры с администрацией, треть из них может очень быстро перейти к организации публичных акций. А те, кто не верит в профсоюз и не вовлечен в его деятельность, больше склоняются к конфронтационной стратегии гражданского неповиновения.

Протестные настроения среди работников ГМК

На основе шести вопросов анкеты, в разных формах выясняющих отношение членов профсоюза к протестной активности, мы сформировали «индекс отношения к протестам», измеряющий в баллах от 0 до 5 уровень вовлеченности в акции протеста и положительного отношения к ним. Среди работников ГМК активнее протестуют или готовы протестовать мужчины и лица старше 50 лет, активисты профсоюза и занимающие выборную должность, сторонники КПРФ, ЛДПР или «Справедливой России» и те, кто считает, что профсоюз должен поддерживать те силы, которые выступают за альтернативу нынешнему социально-экономическому курсу правительства.

Те, кто склонен протестовать, существенно отличаются от пассивных по мотивам членства в профсоюзе. Если среди тех, кто состоит в профсоюзе из чувства причастности, по привычке, из-за льгот и материальной помощи существенно больше не протестующих никогда, то среди тех, чьими мотивами являются защита от произвола со стороны начальства, сохранение уровня зарплаты и защита от увольнения – наоборот, больше протестующих. Очевидно, в первом случае воспроизводится «советская модель профсоюза», когда он был привычным атрибутом жизни каждого человека и выполнял преимущественно функции отдела социального обеспечения. В новых рыночных реалиях, когда появилось давление со стороны начальства, актуализировалась тема низких зарплат и увольнений, для решения этих проблем востребована и протестная, конфликтная модель отношений с работодателем. Мотив «из чувства причастности к организации» оказался наиболее распространенным в разных по степени активности группах. Но такие мотивы, как защита от увольнений и произвола начальства, сохранение зарплаты оказались более важными именно для активных. Пассивные выбирают льготы, материальную помощь или остаются в профсоюзе по инерции.

Индекс отношения к протестам непосредственно связан с ожиданиями положительных изменений в материальном положении респондента в ближайшие год-два. У тех, кто не сомневается в таких изменениях, индекс отношения к протестам близок к нулю. И наоборот, те, кто считает, что улучшений не будет, больше ориентированы на протестные действия. То есть, не негативная оценка своего материального положения, а социальный пессимизм, ощущение отсутствия перспектив в ближайшем будущем, формируют состояние недовольства. Молодежь настроена более оптимистично, и поэтому эта причина протестной активности среди молодых встречается заметно реже.

Среди причин участия в акциях протеста респонденты чаще всего называют «социальную справедливость» (61 %) и «решение конкретных жизненных проблем» (54%), на третьем месте оказалась «помощь людям» (43%), а на четвертом – «желание повлиять на ход событий в стране» (40%). Благо общества, ощущение значимости, смена власти, долг гражданина, Консти-

туция, демократия продолжают этот ряд по убыванию. Молодежь заметно больше ориентирована на абстрактное «благо общества», а пожилые люди – на «социальную справедливость» и «выполнение долга гражданина». Люди среднего возраста (от 30 до 50 лет) отдают предпочтение решению конкретных жизненных проблем. Причины участия в протестах практически не зависят от доходов, активности в профсоюзе, образования и типа занятости. Более обеспеченные немного чаще готовы участвовать в протестных акциях ради выполнения долга гражданина. Для служащих оказалось более значимым благо общества и собственная значимость. «Отвратить» от участия в акции смогут в первую очередь ее плохая организованность, возможная незаконность и сомнения в том, что она приведет к каким-либо результатам. Эти препятствия на пути посещения протестного мероприятия стоят на первом месте для всех групп, независимо от возраста, типа занятости и активности в профсоюзе.

Работники ГМК лучше относятся к выступлениям в защиту экономических и социальных прав, чем к акциям в защиту демократических свобод. И выйти сами они готовы скорее на первые, чем на вторые. Таким образом, на улицы их могут вывести либо причины прагматического характера, желание изменить что-то «здесь и сейчас», либо лозунги восстановления социальной справедливости. «Демократические» ценности (Конституция, долг гражданина, демократия) оказались почти в конце списка, а вот желание влиять на власть довольно широко распространено (40% опрошенных).

Профсоюз как субъект представительства интересов

Анализ данных показывает, что среди работников ГМК рабочие, низкооплачиваемые и малообразованные работники, а также молодежь считают, что их интересы представлены профсоюзом в наименьшей степени и наиболее критично настроены по поводу позиции лидеров профсоюза. Эти же категории в большей степени склонны протестовать именно в таких крайних формах как забастовка, остановка работы, а институциональными формами участия они интересуются существенно меньше. Иными словами, профсоюз не справляется с ролью представителя интересов малоресурсных групп, что способствует их радикализации. В тоже время, эти категории, как правило, менее компетентны в вопросах коллективного действия и обладают невысоким социальным капиталом по сравнению с теми группами, которые широко представлены среди активистов профсоюза.

Молодежь занимает значительное место среди активистов профсоюза, но ее мало среди выборных членов; больше половины работников ГМК младше 30 лет в деятельности профсоюза не участвуют совсем. Молодые люди ориентированы на индивидуальные стратегии решения проблем: они реже считают, что нужно объединяться для защиты общих интересов, а благополучие, как им кажется, в большей степени зависит

от самого человека, чем от того, насколько справедливо устроено общество. Молодежь больше надеется на помощь друзей, родственников и прочие «полезные знакомства» и меньше – на помощь профсоюза или комиссии по трудовым спорам (относительно других возрастных групп). По сравнению с людьми постарше, молодежь больше склонна считать свои заработки зависящими от непосредственного начальника и от результатов своей работы (хотя на первое место она, как и остальные возрастные категории, ставит работу предприятия). Безусловно, за этими установками кроется ряд объективных обстоятельств: молодому человеку, как правило, проще устроиться на новую работу (в том числе, переехать в другой город, сменить специальность); он чаще может позволить себе не работать и заниматься поиском более выгодного места (если нет иждивенцев). В то же время, очевиден дефицит солидарности в молодежной среде. Протестные практики также несколько больше поддерживаются молодежью, которая еще не боится возможных негативных последствий от участия в протестах.

Согласно данным Светланы Климовой, именно промышленные рабочие по сравнению с другими категориями наемных работников больше пострадали в результате кризиса 2008–2009 гг. – их чаще увольняли, переводили на частичную занятость, прекращали выплату премий, бонусов (Климова 2009: 202). В то же время, высоко квалифицированные рабочие в большей степени готовы присоединиться к акции протеста, если таковая случится на их предприятии (Климова 2009: 215). Видимо, с одной стороны, квалифицированные рабочие в большей степени заинтересованы в сохранении своего рабочего места и прежнего типа занятости, так как именно наличие высокой квалификации в определенной специальности позволяет им иметь хорошие заработки. С другой стороны, в их среде больше работников со стажем, которые знакомы с профсоюзными практиками, и выше осознание групповых интересов.

ГМПР – один из самых массовых и сильных профсоюзов в современной России. Он, безусловно, является одним из акторов общественно-политической жизни как на федеральном уровне (где политическое представительство осуществляется через деятельность Центрального комитета и выдвижение представителей для участия в парламентских выборах), так и в тех регионах, где есть сильные региональные и первичные организации. Но позиция руководящих органов профсоюза во многом зависит от политической конъюнктуры и неформальных соглашений с правительственными чиновниками. Так, если в 2008–2010 гг. председатель ГМПР Михаил Тарасенко активно выступал за повышение минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума, то в 2013 г., заняв депутатское кресло и выступая от имени Комитета по труду и социальной политике Госдумы, он высказался против соответствующей законодательной инициативы (Тарасенко 2008; Государственная дума... 2013).

Поклонная vs Болотная?

Опрос 2011 г. показал, что на предприятиях ГМК заметно сильнее поддержка парламентской оппозиции, а рейтинги партии власти и Владимира Путина как кандидата в президенты накануне избирательной кампании 2011–2012 гг. были заметно ниже, чем в среднем по России. В то же время, значительная часть работников пассивна, политически индифферентна и голосует за партию власти – это соответствует состоянию российского общества. Включенность в деятельность профсоюза и интерес к политическим событиям в стране, желание влиять на происходящее, участвовать в выборах и акциях протеста тесно связаны. Более того, высокая степень причастности индивида к деятельности профсоюза соответствует его большей оппозиционности. Что здесь является причиной, а что следствием – тема для отдельного исследования. Несмотря на установку руководства ГМПП на категорический отказ от такой формы коллективных действий как забастовка, региональные и первичные организации прибегают к активным протестным действиям, если к этому их подталкивает сложившаяся ситуация. Например, широко известны массовые митинги рабочих в Пикалево в 2008–2009 гг., выступавших против закрытия предприятия, имевшего решающее значение для местной экономики (Матвеев 2010а). В 2010 г. работники ООО «Александринская горно-рудная компания» боролись за повышение зарплаты (Матвеев 2010б). Самыми актуальными вопросами, которые могут подвигнуть значительную часть трудящихся на протестные действия, являются традиционные вопросы: сохранение рабочего места и приемлемый уровень заработной платы. Большинство членов профсоюза считают наиболее подходящим методом отстаивания трудовых прав переговоры с администрацией. Но это не исключает того, что, в случае неблагоприятного исхода такого диалога, приемлемыми для каждого четвертого становятся акции протеста.

В условиях подмены политического пространства властным, пассивность в политической сфере является рациональной моделью поведения, и граждане прибегают к активному протесту, как правило, только для решения конкретных проблем, требующих не слишком больших затрат времени и сил. Но отсутствие поддержки столичного оппозиционного движения само по себе не означает лояльности власти. В современной России долгосрочные протесты с широкими целями возникают тогда, когда 1) обеспокоенность определенным социальным явлением перерастает в ощущение несправедливости как таковой, формируется недовольство пренебрежением власти к людям и невозможностью участия в принятии решений; 2) у недовольных достаточно когнитивной компетентности для восстановления справедливости; 3) оценка ими своих ресурсов и возможностей позволяет им надеяться на успех (Клеман и др. 2010; Клеман 2013). Неудивительно, что протестные выступления «оппозиции» в крупных городах в конце 2011 – середине 2012 гг. были восприняты большей частью населения как чуждые и непонятные.

Они не решали конкретных проблем и не поднимали лозунги социальной справедливости. И если даже некоторые из активистов пытались привнести социальную повестку в московские акции, то она не была озвучена в массовых СМИ из-за их повышенного внимания к «ВИП-персонам» протеста и скандальным ситуациям. Но и многочисленные самодельные плакаты, которые приносили «рядовые» участники акций в столице, говорят, скорее, о политическом характере протеста, нежели социальном. Особое положение Москвы, высокая концентрация образованных и обеспеченных людей создали предпосылки для возникновения чувства «уполномоченности» на вторжение в сферу политического, на оспаривание права власти определять происходящее. Работники промышленных предприятий в российских регионах не лояльнее столичных жителей, но они пока чувствуют в себе силы выдвигать требования к власти только по конкретным поводам и в рамках локальной, прежде всего, социальной, повестки.

Список источников

- Баскакова Ю. М. Патерналистский контракт // С. В. Патрушев (ред.) *Гражданское и политическое в российских общественных практиках*. М.: РОССПЭН, 2013: 202–214.
- Государственная дума отказалась повышать МРОТ до уровня прожиточного минимума // *Ведомости*. 22.11.2013 // <http://www.vedomosti.ru/politics/news/19095041/gosduma-otkazalas-povyshat-mrot-do-urovnya-prozhitochnogo> (дата обращения: 23.01.2014).
- Кертман Г. Л. Конституционный дизайн российской власти и его восприятие массовым сознанием // С. В. Патрушев (ред.) *Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России*. М.: ИСП РАН, 2006: 316–326.
- Клеман К. (ред.) *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому*. М.: НЛЮ, 2013.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010.
- Климова С. Г. Переживание экономического кризиса российскими рабочими // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009: 200–217.
- Матвеев И. Бросить наши заводы – преступно // *Metal World. Ежеквартальный журнал Международной федерации металлургов*. 2010а. (1): 12–13.
- Матвеев И. 15 тысяч – не шахтерская зарплата // *Metal World. Ежеквартальный журнал Международной федерации металлургов*. 2010б. (1): 11.
- Мирясова О. А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. 4(110): 50–56.
- Патрушев С. В. (ред.) *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка*. М.: РОССПЭН, 2011.
- Патрушев С. В., Павлова Т. П., Цыпина Г. А., Мирясова О. А. *ГМПП смотрит в будущее*. Аналитический доклад. М.: ГМПП, 2007.
- Патрушев С. В., Павлова Т. П., Цыпина Г. А., Мирясова О. А. *ГМПП: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности*. Аналитический доклад. М.: ГМПП, 2011 // http://www.isras.ru/analytical_report_gmpr.html (дата обращения: 23.01.2014)
- Тарасенко М. Процедура объявления забастовки должна быть гораздо более либеральной, а ответственность ее организаторов – гораздо более весомой // *Человек и труд*. 2008. (10) // http://chel.ru/2008/10-08/tarasenko_10-08.html (дата обращения: 20.01.2014).